

УДК 821.161.1

История через призму личности в романе Юрия Трифонова «Время и место»

Казимагомедова Рубина Имамалиевна

Кандидат филологических наук,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Республика Дагестан,
Махачкала, ул. Гаджиева, 43-а;
e-mail: rubina85@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности романа Ю.В. Трифонова «Время и место». Подчеркивается, что данный роман является закономерным развитием художественной системы Трифонова-прозаика. Автор статьи утверждает, что судьбы героев романа схожи с судьбой самого Трифонова, а голоса героев вместе с подразумеваемым голосом автора являются своего рода полифоническим унисоном.

Для цитирования в научных исследованиях

Казимагомедова Р.И. История через призму личности в романе Юрия Трифонова «Время и место» // «Белые пятна» российской и мировой истории. – 2014. – № 6. – С. 9-17.

Ключевые слова

Проза Трифонова, роман «Время и место», призвание, творчество, память, локусы романа, поэтика всеединства, неприятие абстракции.

Введение

Роман «Время и место» является закономерным развитием художественной системы Трифонова-прозаика (подробнее о прозе Трифонова см. в [Казимагомедова Р.И. История через призму личности в романе Юрия Трифонова «Время и место» // «Белые пятна» российской и мировой истории. – 2014. – № 6. – С. 9-17.]

магомедова, 2011]), объединяющим и преобразующим мотивы, сюжеты, образы и идейное содержание его более ранних книг. Как отмечала Н.Б. Иванова, «в романе «Время и место» законспектирована вся проза Трифонова <...> там можно найти все трифоновские мотивы» [Иванова, 1984, 4].

Поставив целью отыскать в романе различные типы документально-фактического материала, мы найдем, в частности, затронутую Трифоновым еще в «Утолении жажды» тему рутинной редакционно-писательской жизни, описываемой писателем безо всякого романтизма. Важнейшим вопросом, звучащим в решении этой темы в творчестве Трифонова все громче, является вопрос призвания. Антипов, пишущий свой роман о писателе, пишущем роман о писателе (и так далее, и так далее!), «Синдром Никифорова», задается вопросом: «Может быть, и следовало поставить на «Синдроме» крест и вернуться к тому, что двигалось самоходом, хотя и не всегда гладко и без потерь, но к чему привыкли издательства, читатели и что обеспечивало безбедную жизнь...» [Трифонов, 1985, 404]. Но, честный перед собой, писатель Антипов, автор повестей «о путешественниках, вольнодумцах, художниках, чудаках прошлого века» [там же], не может отказаться от воплощения того, что считает своим призванием.

Особенности романа Юрия Трифонова «Время и место»

Полифоническая структура «Времени и места» весьма необычна: голос автора звучит только в экспозиции, потом же он сменяется голосами Саши Антипова и героя-«я» Андрея, представляющими собой своего рода альтер эго друг друга. Обе судьбы схожи с судьбой Трифонова, и голоса героев вместе с подразумеваемым голосом автора являют своего рода полифонический унисон. Вписанная в контекст истории России и соотнесенная с категориями судьбы и памяти, вечности и времени, автобиография становится ключевым источником тем, образов, мотивов творчества писателя.

Что касается композиции романа, то она определяется художественным принципом изображения Ю. Трифоновым работы памяти: «память объективного повествователя уподобляется человеческой памяти – избирательной и не-

последовательной, укрупняющей одни моменты судьбы и стирающей другие в зависимости от степени их воздействия на внутренний мир героя» [Селеменова, 2009, 25]. Воспроизводятся ключевые моменты судьбы героев. Память в романе «Время и место», как и в романе «Старик», понимается как путь к истине [там же].

М.В. Селеменова отмечает важную особенность локусов романа: «практически все центральные объекты городского ландшафта в романе «Время и место» выполняют *свидетельскую миссию* по отношению к героям и к самому времени» [там же, 24]. Дом на Тверском бульваре становится «отражением» как дома на Большой Бронной, так и дома возле аэропорта; дом на Трубной становится символом смерти (похороны Сталина) и вместе с этим – жизни (решение Антипова сохранить жизнь будущей дочери).

По замечанию Н.Л. Лейдермана и М.Н. Липовецкого, в этом романе Трифонов приходит к окончательному преодолению противопоставления «мелочей быта» и Большой Истории: «все, что потом вносится в реестр Большой Истории, на самом деле вызревает внутри быта, бытом предопределено и в быт уходит. При этом быт трудно поддается систематизации, он в принципе хаотичен, множество непредсказуемых факторов разной величины складываются в равнодействующую, направление которой можно предсказать только задним числом, а изнутри практически невозможно» [Лейдерман, Липовецкий, 2003, т. 2, 210]. Децентрализация и синергийность истории и быта отвечают поэтике всеединства у Трифонова, являются развитием его неприятия абстракции.

Бытовая деталь, тщательно отобранный жизненный материал является здесь готовым иносказанием: «Быт становится у Трифонова универсальной формой экзистенции. Растворенная в быту экзистенция, по Трифонову, не изолирована от хода истории, но и не подчинена ему иерархически, она, скорее, пронизывает и подчиняет себе исторические коллизии» [там же]. «Повседневная жизнь в художественной структуре романов переводится в экзистенциально-онтологический план и сохраняет <...> свою структурообразующую роль, что позволяет сделать вывод о принципиальном признании автором-демиургом безусловной ценности всякого проявления жизни» [Суханов, 2001, 70].

Мотив «недочувствия», ставший так важным в романе «Старик» с его героем, исполненным чувством вины, в романе «Время и место» уступил место идее «дочерпывания» – до самой сути, до дна. И герой Александр Антипов здесь определяется именно этим принципом дочерпывания: в этом романе герой не настолько конформист, не настолько разжижен духом; принцип «дочерпывания» делает его пытливым к правде жизни.

Антипов наиболее из всех героев Трифонова (за исключением документально-очерковых вещей) близок к писателю автобиографически (впрочем, как и рассказчик-«я»). Роман становится «актом авторского самосознания», организуется «на основе исследования автобиографического материала», в основу построения образов поставлены «близкие автору автобиографические ценности» [там же]. Беззаботное детство, мать, вернувшаяся из ссылки, завод, литинститут – все это узнаваемые знаки трифоновской биографии, вновь прочитываемые и «дочерпываемые» писателем до нужного уровня жизненной правды и символической точности.

Антипов сталкивается с конформизмом, нежеланием выяснить и разобраться, повсюду: его мать исполнена страха, репрессированный некогда Тетерин не считает нужным «дочерпывать». Герой, в отличие от окружающих, не может жить в незнании: от невыясненности он чувствует свою ущербность, недостаточность.

Однако мир, каким он выплывается на страницах «Времени и места», настолько исполнен всеединства – взаимной связности бытовых, исторических, психологических деталей, что его «дочерпывание» представляется мало выполнимой задачей: так, он не успевает почувствовать в своей встрече с Наташей на Кубани «то, не имеющее названия, что человек ищет всегда» [Трифонов, 1985, 317]. «В сущности, во «Времени и месте» теоретический постулат Бахтина о разомкнутости романного мира, о романе как об образе живой становящейся современности обернулся эстетической концепцией Личности» [Лейдерман, Липовецкий, 2003, т. 2, 211]. Личность, стремящаяся к полноте завершения и не могущая достичь ее, остается фигурой трагической, обреченной на неудачу.

«Всеединство» романа «Время и место» связано и с каталогизацией тем, мотивов, образов, уже мелькавших в произведениях писателя. Они как бы

кристаллизуются, проскальзывают в эпизодах, однако эти мимолетные детали жизни оставляют свой след. Старая революционерка Елизавета Гавриловна – определение презренного конформизма: «проявили излишнюю осторожность» [Трифонов, 1985, 269]; осмысляя фашизм, писатель говорит афористично: «Фашизм – приход худших людей. <...> Фашизм еще вот что – безнаказанность» [там же, 312].

Тема суда, на котором герой должен выступить свидетелем, решается здесь в пользу великодушия, «дочерпывания» до дна истины. Антипов (как и Трифонов!) видит двойственность поступков человека и оценивает лучшую сторону. Здесь вновь мы видим подтверждение тезиса о многоликости человека, Двойникова: «Как же соединялось это в одном человеке? Да вот соединялось как-то!» [там же, 347]. Это признание и решение Антипова являют победу гуманистического взгляда.

Важнейшей темой романа о писателях становится тема творчества. Раскрывая эту тему, Трифонов выдвигает несколько тезисов, соотносимых с его собственной писательской практикой: «поступки и фразы на поверхности. А магма внутри» [там же, 229] – магма человеческих отношений, страстей, истины: «Вам не приходилось страдать? Нет? И слава богу. Но значит, пока вам нечего сказать людям» [там же, 230]. Примером дочерпывания становится и неудавшийся роман Антипова «Синдром Никифорова»: уход вглубь истории не может быть бесконечным, иначе леса текста могут рухнуть под собственной тяжестью. Однако честный с собой Антипов продолжает тянуть свой замысел, вплетая в него нити из всеединой жизни.

«Юрий Валентинович никогда не отвечал прямо на проклятые вопросы и заканчивал свои романы и повести уклончиво» [Колесников, 2010, 32]. В качестве примера А.В. Колесников приводит окончание романа «Время и место»: «И вот он идет, помахивая портфелем, улыбающийся, бледный, большой, знакомый, нестерпимо старый, с клочками седых волос из-под кроличьей шапки, и спрашивает: «Это ты?» – «Ну да», – говорю я, мы обнимаемся, бредем на бульвар, где-то садимся, Москва окружает нас, как лес. Мы пересекли его. Все остальное не имеет значения» [Трифонов, 1985, 450]. Кроме аллюзии на лес, пересекаемый Данте, здесь заключено и пророчество о скорой

смерти писателя: «пересеченный лес» есть по аналогии с Данте «прожитая жизнь».

В чем важность этой встречи стариков-писателей? (Как и стариков Киянова и Тетерина, помогающих друг другу «вынести невыносимое»?) В метонимической смежности судеб, в жизненных «горизонталях», об интересе к которым писал Трифонов. Соседство во времени и месте является причиной родства, близости, всесплетенности: первая книга Антипова – и его любовь к Тане; похороны Сталина – и решение оставить ребенка; инфаркт Антипова – и резкое ощущение красоты жизни. Экзистенциальное и душевное, частное и социальное, быт и бытие сплетаются, вынуждая к выборам и решениям, которые всегда приводят к большим или малым потерям. «Именно в этой системе отсчета уравниваются малое и великое, сиюминутное и вечное, бытовое и историческое. Это равенство не годится для тиражирования – так у каждого по-своему, но так у всех без исключения. Это совершенно новая модель мира. Ее можно было бы назвать релятивистской, если бы не осердеченность страданием как главный критерий подлинности связей, возникающих по горизонтали. Эта модель мира, в сущности, отменяет привычные формы вертикальной телеологии – от социалистической до религиозной, и в то же время она не оставляет человека в одиночестве и пустоте псевдобытия» [Лейдерман, Липовецкий, 2003, т. 2, 213].

Эта сложная философская концепция нигде не объявляется и не декларируется писателем; она воплощена в самой полифонической ткани романа, сплетенной по принципу дополнительности, через диалогическое соотношение разных героев-повествователей и их кругозоров.

Заключение

Произведения Трифонова рубежа 70-80-х годов «образуют художественное единство, представляющее итог философских исканий писателя в виде целостной системы взглядов, в основе которой идеи *бытия* как неделимой жизне-смерти, связующей экзистенциальность и повседневность, *памяти* как нити, протянутой через поколения, *творчества* как квинтэссенции пере-

житых страданий, *истории* как присутствия прошлого в настоящем, *времени* как потока, безвозвратно уносящего в прошлое события, людей, политические режимы» [Селеменева, 2009, 21].

«От романа к роману расширяется авторское представление о статусе самой внетекстовой реальности, в ее границы включаются все новые круги существования, в которых исследуется человек: бытовой, социальный, исторический, онтологический, экзистенциальный, существование-в-памяти» [Суханов, 2001, 74-75]. Таким образом, важнейшую тенденцию эволюции эстетического освоения жизненного материала в прозе Трифонова мы можем определить как взаимопроникновение большого и малого, синхронии и диахронии, истории и повседневности, мелочей быта и «вечных тем». Жизненный материал становится символом, перетекает в иносказательный статус.

Библиография

1. Иванова Н.Б. Проза Юрия Трифонова. – М.: Сов. писатель, 1984. – 296 с.
2. Казимагомедова Р.И. Становление индивидуального подхода к «литературе факта» в творчестве Ю. Трифонова (от повести «Студенты» к роману «Утоление жажды») // Язык. Словесность. Культура. – 2011. – № 2. – С. 53-75.
3. Колесников А.В. Попытка словаря: семидесятые и ранее. – М.: Рипол классик, 2010. – 318 с.
4. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература. 1950-1990-е годы. – М.: Академия, 2003. – Т. 2. – 688 с.
5. Селеменева М.В. Художественный мир Ю.В. Трифонова в контексте городской прозы второй половины XX века: автореферат дисс. ... докт. филол. наук. – М.: Московский государственный гуманитарный университет имени М.А. Шолохова, 2009. – 40 с.
6. Суханов В.А. Романы Ю.В. Трифонова как художественное единство. – Томск: Томский государственный университет, 2001. – 323 с.
7. Трифонов Ю.В. Вечные темы: Романы, повести. – М.: Советский писатель, 1985. – 640 с.

History through the lens of personality in the novel "Time and Place" by Yurii Trifonov

Rubina I. Kazimagomedova

PhD in Philology,
Dagestan State University,
367000, 43-a Gadzhieva str., Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian
Federation;
e-mail: rubina85@mail.ru

Abstract

The article studies the features of the novel "Time and Place" by Yu.V. Trifonov. This novel can be considered to be an obligate step in the development of the artistic system of Trifonov's prose. It unites and transforms the motives, plots, images and themes that can be found in the early works written by Yu.V. Trifonov. The fates of the characters in this novel bear a strong resemblance to the fate of the writer, and the voices of the characters and Trifonov's implied voice can be regarded as some kind of polyphonic unison. Having been added to the history of Russia and correlating with the categories "fate" and "memory", "eternity" and "time", the autobiography becomes the major source of themes, images, motives for the creative work of the writer. The decentralization and synergy of history and private life correspond to the poetics of all-encompassing unity that can be found in the works written by Trifonov and should be regarded as the development of the writer's rejection of abstraction. The complicated philosophical conception of the novel "Time and Place" is embodied in its polyphonic gist, though it is not declared by the writer.

For citation

Kazimagomedova, R.I. (2014) *Istoriya cherez prizmu lichnosti v romane Yuriya Trifonova "Vremya i mesto"* [History through the lens of personality in the novel "Time and Place" by Yurii Trifonov]. *"Belye pyatna" rossiiskoi i mirovoi istorii* ["White Spots" of the Russian and World History], 6, pp. 9-17 (In Russian).

Keywords

Trifonov's prose, the novel "Time and Place", vocation, creative work, memory, poetics of all-encompassing unity, rejection of abstraction.

References

1. Ivanova, N.B. (1984) *Proza Yuriya Trifonova [Yurii Trofonov's prose]*. Moscow: Sov. pisatel'.
2. Kazimagomedova, R.I. (2011) Stanovlenie individual'nogo podkhoda k "literature fakta" v tvorchestve Yu. Trifonova (ot povesti "Studenty" k romanu "Utolenie zhazhdy") [Making an individual approach to the "literature of fact" in the works of Yuri Trifonov (from the story "Studenty" to the novel "Utoleniye zhazhdy")]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura [Language. Philology. Culture]*, 2, pp. 53-75.
3. Kolesnikov, A.V. (2010) *Popytka slovarya: semidesyatye i ranee [An attempt at a dictionary: the 1970s and earlier]*. Moscow: Ripol klassik.
4. Leiderman, N.L., Lipovetskii, M.N. (2003) *Sovremennaya russkaya literatura. 1950-1990-e gody [Modern Russian literature. The 1950s-1990s]*. Vol. 2. Moscow: Akademiya.
5. Selemeneva, M.V. (2009) *Khudozhestvennyi mir Yu.V. Trifonova v kontekste gorodskoi prozy vtoroi poloviny XX veka [The artistic world of Yu.V. Trifonov in the context of the urban prose of the second half of the 20th century]*. Dissertation abstract, Sholokhov Moscow State University for Humanities.
6. Sukhanov, V.A. (2001) *Romany Yu.V. Trifonova kak khudozhestvennoe edinstvo [The novels written by Yu.V. Trifonov as artistic unity]*. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet.
7. Trifonov, Yu.V. (1985) *Vechnye temy: Romany, povesti [Eternal themes: Novels, stories]*. Moscow: Sovetskii pisatel'.